

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: ОБЩЕМИРОВЫЕ И РОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Ниорадзе Г. В.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: nioradzeRSUH@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.4>

Для цитирования: Ниорадзе Г. В. Международная миграция старшего поколения: общемировые и российские тенденции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 43–58. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.4>.

Аннотация. Предметом настоящего исследования является международная миграция пожилых людей, ее общемировые и российские тенденции. Данная тема приобретает особую актуальность ввиду того, что пожилые составляют около 17% от международных мигрантов (2019 г.). Кроме того, миграция пожилых людей находится на пересечении четырех демографических «мегатрендов»: старения населения, миграции, роста населения и урбанизации. При этом международная миграция пожилых россиян практически не исследуется в отечественной литературе. Гипотезой исследования является предположение о старении международных миграционных потоков в соответствии с тенденцией демографического старения. Метод исследования – вторичный анализ данных. Основной эмпирической базой выступают данные ООН, Росстата. Данные общемировой статистики показывают, что, хотя численность пожилых среди мигрантов возросла, пропорция пожилых людей в ней не изменилась. Таким образом, гипотеза не подтвердилась, что дает основания сделать следующий вывод: миграция отстает от старения. Это связано со слабым мобилизационным и адаптационным потенциалом старшего поколения. Российская статистика позволяет выделить 4 тыс. лиц в возрасте старше трудоспособного, переехавших за рубеж в 2019 г. (не включая страны СНГ). Наиболее популярные направления – Германия, Грузия. В заключение рассматриваются риски (негативное влияние на трудовой потенциал страны и пр.) и возможности (омоложение возрастной структуры, снижение возрастной дискриминации) для России в контексте эмиграции пожилого населения. Анализ существующих индексов активного долголетия показал отсутствие миграции в качестве индикатора активности, что значительно искажает данный индекс (в статье предлагается способ дополнить Индекс активного долголетия индикатором миграции). Направлением будущих исследований является изучение миграции российских пенсионеров в страны Юго-Восточной Азии и КНР.

Ключевые слова: миграция, международная миграция, эмиграция, старение населения, пенсионеры, старшее поколение, риски эмиграции, индекс активного долголетия.

Введение

Глобализация и улучшение транспортной доступности привели к интенсификации миграции. В 2020 г. доля мигрантов среди всего населения мира составила 3,6%. За 15 лет она увеличилась на 0,7%. По данным ООН, в 2020 г. насчитывалось 280,6 млн мигрантов, при этом из них 48,2 млн человек – старше 60 лет, среди которых в возрасте 60–64 года – 13,9 млн человек, 65–69 лет – 10,9 млн человек, 70–74 года – 8,4 млн чел, старше 75 лет – 15 млн человек. Кроме того, миграция пожилых имеет региональную специфику: в основном представители старшего возраста переезжают в Европу и Северную Америку, на которые пришлось 2/3 мигрантов старшего возраста в 2020 г. (32,4 млн человек)¹. Все это подчеркивает актуальность изучения такого крупного социально-демографического процесса как международная миграция в пожилом возрасте.

Из доклада ООН следует, что выделяются четыре демографических «мегатренда»: рост населения, старение населения, миграция и урбанизация [1]. В данной статье характеризуется международная миграция пожилых людей в контексте влияния демографических «мегатрендов», а также уделяется внимание особенностям между-

¹ International Migrant Stock // United Nations [site]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed on 22.04.2021).

народной эмиграции российских пенсионеров (за пределы стран СНГ). В заключение рассматриваются риски и возможности миграции в пожилом возрасте.

Обзор литературы

Основные направления исследований международной миграции пожилых в отечественной литературе

Международная миграция в пожилом возрасте – слабо изученный в России социально-демографический процесс. Ввиду недооценки роли международной миграции пенсионеров в формировании демографической структуры данный аспект практически не затрагивается в работах российских ученых. Вместе с тем некоторые работы посвящены внутренней миграции пенсионеров. Так, Л. Б. Карачурина и К. А. Иванова выделили дальневосточные и северные территории как регионы с наиболее интенсивной миграцией пожилых [2]. Г. Н. Гридасов, Н. О. Захарова и Е. С. Балueva проанализировали иммиграцию пожилых людей в Самарской области и пришли к выводу об ухудшении демографической ситуации в области из-за уменьшения миграционного прироста детей на фоне увеличивающегося притока пожилых мигрантов [3]. Кроме того, миграция пожилых косвенно затрагивается в рамках исследования возрастных дифференциаций миграции [4; 5].

Основные направления исследований международной миграции пожилых в западной литературе

В западных исследованиях миграцию пожилых людей исследуют долгое время: один из первых исследовательских шагов в этом направлении был сделан американской исследовательницей Д. Томас в 1938 г., заметившей зависимость миграции от возраста на основе изменения экономических ролей и возможностей в течение жизни [6, с. 5]. Развитие демографической науки и возраставший процесс старения усилили интерес исследователей к данной тематике, что привело к возникновению различных подходов в рамках рассмотрения жизненного цикла человека. В 1980-е гг. Е. Литвак и К. Лонгино выделили три типа миграции после выхода на пенсию: 1) немедленный переезд после выхода на пенсию, связанный с улучшением качества жизни; 2) переезд из-за частичной недееспособности к тем, кто может позаботиться; 3) окончательный переезд в специализированное учреждение [7, с. 270]. Позже У. Сероу сегментировал пожилых мигрантов, выделив две группы («молодые» пожилые и «старые» пожилые), где первые мигрируют по собственному желанию, а вторые – из-за необходимости [8, с. 20].

В настоящее время многие исследования миграции пожилых лежат в области качества старения и активного долголетия. Ученые говорят о феномене «трансграничной заботы» или «заботы на расстоянии» [9; 10], на появление которых повлияли три фактора: интенсификация и диверсификация мобильности, быстрые темпы демографического старения, развитие новых коммуникационных технологий. В этой связи выделяются работы австралийских ученых, изучающих источники и объем поддержки пожилых мигрантов от социальных сетей (контакты с родственниками, друзьями, общественными организациями) [11], а также изучающих новые коммуникационные технологии (интернет), способствующие сохранению социальных контактов на расстоянии [12].

Схожее направление исследований связано с изучением особенностей интеграции пожилых мигрантов, у которых зафиксированы следующие уязвимости: низкий социально-экономический статус, плохое здоровье, одиночество, дискриминация и сегрегация [13; 14]. Голландские исследователи изучают влияние устойчивости

на пожилых людей. Под «устойчивостью» понимаются различные ресурсы: образование, преодоление языковых барьеров, наличие нескольких источников дохода, наполненность жизни смыслом, прочные социальные связи, способность поддерживать транснациональный образ жизни [15].

Отдельную группу исследований образует медико-геронтологическая тематика. Так, американские ученые исследуют частоту когнитивных нарушений среди пожилых американцев мексиканского происхождения в зависимости от того, где они родились (Мексика или США) и в каком возрасте иммигрировали. Данные привели к неоднозначным результатам: у женщин, иммигрировавших в позднем возрасте, риск когнитивных нарушений на 46% выше, чем у американок мексиканского происхождения, родившихся в США, но в то же время мужчины-иммигранты среднего возраста имеют на 29% более низкий риск когнитивных нарушений по сравнению с американскими мексиканскими мужчинами, родившимися в США [16].

Основные причины международной миграции пожилых

Данные зарубежных исследований позволяют типологизировать миграцию пожилых на основе причин переезда.

Первый тип образуют мигранты, чей переезд связан с медицинскими причинами. К этому типу относятся как те, кто стремится повысить качество медицинского обслуживания, так и сократить его стоимость за счет более совершенных систем социального страхования в других странах [17]. Отдельную группу составляют пожилые мигранты, решившиеся на переезд из-за состояния здоровья (полной или частичной утраты дееспособности), вынужденно покидая страну пребывания, рассчитывая на помощь родственников или системы здравоохранения страны-реципиента [18]. Первый тип более характерен для «четвертого» возраста.

Второй тип мигрантов нацелен на поиск более доступной инфраструктуры, комфортной городской среды, адаптированных средств передвижения, а также на первый план выходят безопасность и низкий уровень преступности [18].

Третий тип мигрантов решается на переезд ввиду климатических условий, рекреаций, природных ресурсов (парки, леса, озера) [17]. Причем, данный тип имеет двойные установки: одни стремятся переехать в более комфортные климатические условия, а другие, напротив, переезжают на природу, в сельскую местность.

Четвертый тип миграции связан со значительным событием в жизни: прекращение трудовой деятельности, развод или безвременный уход супруга. Данные британской статистики показывают следующее: у тех, кто разводится или расстается, вероятность переезда почти в пять раз выше, а у тех, кто недавно овдовел, вероятность переезда почти в два раза выше, чем у овдовевших пять или более лет назад [19, с. 12]. Второй, третий и четвертый типы мигрантов составляют в основном «молодые» пожилые.

Данная классификация составлена на основе анализа тематической литературы, однако, на наш взгляд, не включает все имеющиеся типы пожилых мигрантов. Например, миграция пожилых может быть связана с профессиональной деятельностью: долгое время проработав в другой стране, пенсионер решает остаться в уже ставшей привычной обстановке, отказываясь от возвращения на Родину на постоянной основе. Кроме того, существование межнациональных, межконфессиональных конфликтов и гражданских войн стимулирует вынужденную миграцию, связанную с экстренным переездом в другой регион, где уровень насилия ниже. Таким образом,

данная классификация не является исчерпывающей, однако отражает основные причины переезда в старшем возрасте.

Основные причины отказа пожилых от международной миграции

Одной из наиболее частых причин является отказ от миграции в силу проблем со здоровьем и ограниченной мобильностью. Кроме того, отказ от миграции связан с привязанностью к месту проживания, а также владением недвижимостью в стране пребывания. Перспектива потери дома и хозяйства, ради которых приходилось трудиться целую жизнь, так же служит демотивирующим фактором к переезду. Помимо этого, выделяются страх начала жизни в новой стране, неготовность проживать в другом географическом регионе с иными климатическими условиями, наличие домашних животных и др. [20].

Данные и методы исследования

Исследование международной миграции старшего поколения производилось методом вторичного анализа данных. В качестве эмпирической базы выступали официальные данные Организации Объединенных Наций: численность населения, численность населения в возрасте старше 65 лет (в обоих случаях включая прогнозную численность за период 1950–2100 гг.²), возрастная структура международной миграции (1990–2020 гг.)³. При анализе международной миграции российских пенсионеров использовались данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата): распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г.⁴ Основной корпус источников был дополнен другими данными: аналитическими докладами ООН, Всемирного банка и пр., а также материалами других авторов.

Рис. 1. Численность населения в мире и численность населения старше 65 лет, млрд человек*

Fig. 1. World population and population over 65, billion people

Источник: данные ООН⁵

² * Начиная с 2021 г., средний вариант прогноза изменения численности населения ООН World Population Prospects 2019 // United Nations [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed on 27.05.2021).

³ International Migrant Stock // United Nations [site]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed on 27.05.2021).

⁴ Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/IssWWW.exe/Stg/2-12.xlsx (дата обращения: 30.04.2021).

⁵ World Population Prospects 2019.

Результаты

Миграция пожилых и рост численности населения

Миграция является одной из центральных тем демографических исследований. Она подвергается влиянию ключевых демографических тенденций настоящего времени: замедлению роста популяции и увеличению скорости старения населения. За трехкратным увеличением популяции в период после завершения Второй мировой войны последовало сокращение роста населения (см. рис. 1). Численность населения в трудоспособном возрасте достигла максимума в 2012 г. и перешла к снижению, вследствие чего происходит увеличение доли иждивенцев, которая главным образом связана с увеличением именно доли пожилых людей в структуре населения [21].

Среди ключевых факторов, оказывающих влияние на рост численности населения, – рождаемость и смертность. Эти факторы обуславливают «демографический переход»⁶, который представляет собой смену типов воспроизводства населения – от экстенсивного или примитивного типа (высокие рождаемость и смертность) к интенсивному типу (низкие рождаемость и смертность) [22; 23]. Данные демографической статистики говорят о том, что большая часть государств завершила основные этапы демографического перехода, но вместе с тем сохраняются беднейшие страны мира, где при очень высокой рождаемости (к примеру, в среднем у каждой жительницы Нигера восемь детей), продолжительность жизни не увеличивается или снижается⁷.

Рост населения вследствие демографического перехода привел к увеличению миграции, поскольку обнажил недостаток ресурсов на территориях с высокой рождаемостью и низким уровнем ресурсов (социальных, медицинских, экономических, инфраструктурных и пр.), что вкуче с ростом мобильности привело к возрастанию миграционных процессов. Важным фактором выступает то, что переехавшие лица в трудоспособном возрасте обеспечили возможность своему старшему поколению совершить миграцию. Так, данные показывают, что один из пиков миграции приходится на возраст 75+ (15 млн человек или около трети от пожилых международных мигрантов), когда пожилые родители переезжают под опеку своих детей⁸.

Миграция пожилых и старение населения

В узком смысле демографическое старение – это «увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения; измеряется как доля населения в возрасте 60 лет и старше или 65 лет и старше»⁹. В широком смысле – история успеха человечества, повод для триумфа системы здравоохранения, медицинские достижения, экономическое и социальное развитие в отношении борьбы с болезнями, травмами и ранней смертностью, которые ограничивали продолжительность человеческой жизни [1, с. 3].

Рассматривая демографическое старение, к рождаемости и смертности добавляется еще один фактор – миграция. Она позволяет странам, совершившим демографический переход, смягчать стремительность увеличения доли пожилых. Причина состоит в том, что главным образом мигранты – люди в молодом (трудоспособном)

⁶ Демографический переход / Демографический понятийный словарь // Сайт Л. Л. Рыбаковского. URL: <http://rybakovsky.ru/uchebnik1a5.html> (дата обращения: 23.04.2021).

⁷ 7 graphics that explain: What is an 'ageing population'? // Aetna, health care company [site]. URL: <https://www.aetnainternational.com/en/about-us/explore/future-health/ageing-population-graphics.html> (accessed: 22.04.2021).

⁸ International Migrant Stock.

⁹ Возрастная структура населения / Демографический понятийный словарь // Сайт Л. Л. Рыбаковского. URL: <http://rybakovsky.ru/uchebnik1a3.html> (дата обращения 23.04.2021).

возрасте, что способствует омоложению возрастной структуры населения стран-реципиентов. Вместе с тем «макротренд» – старение населения – оказывает значительное влияние. Во-первых, численность пожилых мигрантов увеличивается. По данным ООН, за период 1990–2020 гг. в странах с высокими и средними доходами численность пожилых мигрантов возросла на 16 млн человек¹⁰. Во-вторых, если мигранты не возвращаются на родину, то, оставшись жить на постоянной основе в новой стране, постепенно стареют наравне с местным населением. В-третьих, исследователи отмечают наиболее активную группу пожилых мигрантов – после 75 лет наступает пик миграции в старшем возрасте, то есть среди пожилых мигрантов наиболее крупная возрастная группа мигрантов находится в «четвертом» возрасте [24], характеризующемся потерей дееспособности и во всяком случае экономической активности. Именно поэтому основной мотивацией миграции людей в этом возрасте становится «вынужденность», а не «собственное желание» (например, ввиду потери супруга [25; 26], из-за необходимости снижения расходов на жизнь [20, с. 28; 19, с. 13]).

Демографическое старение является объектом всестороннего изучения со стороны академического сообщества и международных организаций. Начиная с 1956 г., ООН анализирует изменения воспроизводства населения. В настоящее время соотношение лиц в возрасте старше трудоспособного к более молодым составляет 1 к 11, но разрыв имеет тенденцию к сокращению до пропорции 1 к 6 (см. рис. 1) [1, с. 5]. Это позволяет говорить о наступлении эпохи стареющего населения.

Демографическое старение имеет региональную специфику. В настоящее время страны Африки, Южной и Юго-Восточной Азии главным образом обеспечивают прирост населения, что делает менее характерной для них тенденцию увеличения численности пожилых в возрастной структуре населения. Однако в то же время, по оценкам ООН, старение населения идет наибольшими темпами в Восточной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. В этих регионах и Северной Африке, Западной, Центральной и Восточной Азии ожидается удваивание численности пожилых людей к 2050 г. [1, с. 1].

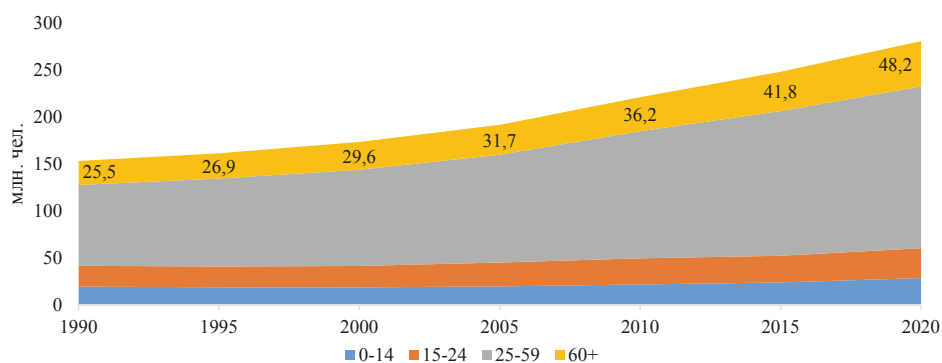

Рис. 2. Динамика возрастной структуры миграционных потоков (млн человек)
Fig. 2. Dynamics of the age structure of migration flows (million people)

Источник: данные ООН¹¹

¹⁰ Older persons and migration // Migration Data Portal [site]. URL: <https://www.migrationdataportal.org/themes/older-persons-and-migration> (accessed on 22.04.2021).

¹¹ International Migrant Stock.

По данным ООН, в 2020 г. насчитывалось 280,6 млн мигрантов (см. рис. 2). Из них 48,2 млн – старше 60 лет, среди которых в возрасте 60–64 года – 13,9 млн человек, 65–69 лет – 10,9 млн человек, 70–74 года – 8,4 млн человек, старше 75 лет – 15 млн человек. За последние 30 лет численность мигрантов старше 60 лет практически удвоилась (25,5 млн человек – в 1990 г., 48,2 млн человек – 2020 г.). Однако вместе с тем пропорция пожилых мигрантов в возрастной структуре миграции остается довольно стабильной: 16,6% – в 1990 г., 17,2% – в 2020 г.

Таким образом, миграция пожилых людей протекает в русле общей тенденции увеличения интенсивности, но пропорция пожилых среди мигрантов практически не увеличивается (см. рис. 2), что позволяет говорить об отставании миграции от старения.

Миграция пожилых и урбанизация

В контексте данной работы миграция и урбанизация связаны друг с другом в меньшей степени, чем другие демографические «мегатренды». Однако особенность миграционных потоков в пожилом возрасте состоит в том, что пенсионеры склонны выбирать в качестве нового места жительства густонаселенные районы, где условия жизни являются более благоприятными, а инфраструктура и медицинские услуги легче доступны [17]. Данные ООН свидетельствуют о том, что 73% пожилых мигрантов переезжают в развитые страны, 70% – в страны с высоким уровнем дохода¹². Наиболее популярными регионами для переезда пожилых (старше 60 лет) являются Европа и Северная Америка, представленные Германией (4,3 млн человек), Россией (2,9 млн человек), Францией (2,6 млн человек) и США (10,5 млн человек), Канадой (2,5 млн человек) соответственно (см. рис. 3).

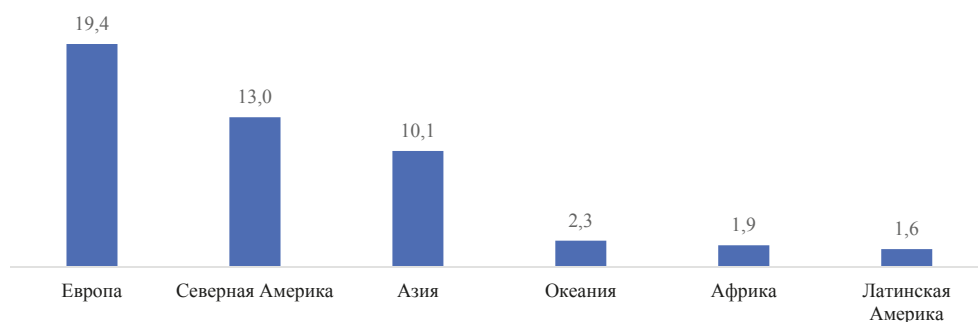

Рис. 3. Распределение регионов по численности прибывших пожилых мигрантов (млн человек)

Fig. 3. Distribution of regions by the number of elderly immigrants (million people)

Источник: данные ООН¹³

У западных исследователей существует теория, согласно которой миграция пенсионеров основана на идее о профессиональном долгосрочном уходе. Гипотеза заключается в том, что пожилые люди, не получив возможности достойного ухода в стране постоянного пребывания, отправляются (самостоятельно или с родственниками) в другие регионы в поисках более высокого качества обслуживания [27; 17]. Кро-

¹² International Migrant Stock.

¹³ International Migrant Stock.

ме того, переезд может быть обусловлен необходимостью воссоединения с детьми, ранее мигрировавшими в страну-реципиент. Это также может быть связано с идеей о возможности долгосрочного ухода, но не в специализированных учреждениях медицинского профиля, а в домашних условиях.

Миграция российских пенсионеров в зеркале статистики

В 2019 г. число выбывших лиц в возрасте старше трудоспособного составило 488 тыс. человек. Однако миграционные потоки в основном не выходят за пределы страны – 444 тыс. человек. За рубеж выехали 43 тыс. пенсионеров, из которых 39 тыс. – в страны СНГ. Таким образом, численность объекта исследования – пожилых россиян-мигрантов, уехавших за рубеж, составила 4 тыс. чел в 2019 г.¹⁴

Возрастная специфика миграционных потоков проявляется в следующем: как показывает таблица 1, если трудоспособное население стремится переехать в некоторые восточные страны (Китай, Индия, Вьетнам), то пожилые и дети отправляются в наиболее социально благополучные страны – например, в Германию. Кроме того, данная статистика имеет искажение, поскольку не выделяет обратную миграцию. Вдобавок к этому, «понятия «прибывшие» и «выбывшие» характеризуют миграцию с некоторой условностью, так как одно и то же лицо может в течение года менять место постоянного жительства не один раз¹⁵.

Таблица 1.

Топ-10 наиболее популярных стран переезда за рубеж, кроме стран СНГ (по возрастным группам), человек

Table 1.

Top 10 popular countries for moving abroad, except for the CIS countries (by age group), people

№	Моложе трудоспособного	Человек	Трудоспособный	Человек	Старше трудоспособного	Человек
1	Германия	689	Прочие	11612	Германия	1049
2	Прочие	433	Китай	8250	Грузия	615
3	Вьетнам	226	Индия	5243	Прочие	314
4	США	224	Грузия	3323	Китай	262
5	Грузия	147	Вьетнам	3016	США	237
6	Финляндия	133	Германия	2570	Абхазия	222
7	Израиль	132	Корея	1874	Литва	202
8	Китай	115	Турция	1334	Латвия	196
9	Турция	90	Абхазия	983	Израиль	193
10	Латвия	80	США	953	Эстония	188
Всего		36069		336747		43315

Источник: данные Росстата¹⁶

Риски эмиграции пенсионеров для России как страны-донора

Один из главных рисков миграции для страны донора – удар по трудовому потенциалу страны. Несмотря на то, что данное обстоятельство затрагивает в большей степени людей в трудоспособном возрасте, трудовой потенциал пенсионеров являет-

¹⁴ Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г.

¹⁵ Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 550 с. ISBN 978-5-89476-488-7.

¹⁶ Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г.

ся важным резервом для поддержания занятости в условиях старения населения. Уже в настоящее время «замещение» рабочей силы в России происходит за счет мигрантов и пожилых [28], что катализируется двумя обстоятельствами. Во-первых, сложившаяся конъюнктура на рынке труда обусловлена волнами депопуляции населения. При этом характерная черта второй волны – сокращение показателей и рождаемости, и смертности [29]. Во-вторых, демографические тенденции отразились в общественном сознании, в результате чего пересматриваются возрастные границы понятия «молодежь» и понятия «пенсионер» (последнее во многом вызвано пенсионной реформой, официально отдалившей «старость» на 5 лет). Таким образом, последствия демографических изменений отразились и в бытовом¹⁷, и в научном контексте, а с 2021 г. и в правовом поле (Госдума приняла закон о молодежной политике, четко определив возраст молодежи – до 35 лет включительно¹⁸). В 2019 г. уровень занятости лиц старше трудоспособного возраста составил 21,3%, безработица среди пожилых – 2,4%, а среднее время поиска работы среди данной возрастной группы – 7,9 месяца¹⁹. По данным за 2016 г., средний трудовой стаж после назначения пенсии по возрасту составлял 4,9 года, в 2011 г. аналогичный показатель был равен 4,3 года²⁰, что свидетельствует об увеличении продолжительности трудовой жизни. Это находит отражение в изменениях структуры рабочей силы. Во-первых, за 10 лет средний возраст работника повысился с 39,6 лет (2009 г.) до 41,0 лет (2019 г.). Во-вторых, численность работающих пенсионеров увеличилась в 1,5 раза за тот же период (с 5,8 млн человек до почти 8,1 млн человек)²¹.

Потеря налогоплательщиков – еще один серьезный риск для страны-донора. Несмотря на сравнительно низкий (сравнивая с другими возрастными группами) уровень занятости пожилых, лица старшего возраста вносят вклад в экономику страны за счет использования своих средств внутри страны, уплачивая прямые и косвенные налоги, стимулируя торговлю и услуги. Так, к примеру, российские банки проявляют все больший интерес к пенсионерам ввиду их «дисциплинированности» и постоянному пенсионному доходу²². При переезде в другую страну и сохранении гражданства пенсионер будет получать свою пенсию за рубежом, в то время, как и тратить ее будет там же, тем самым экономика лишится необходимых налогов, а также спроса на товары и услуги.

¹⁷ «В СССР люди взрослели рано» Молодость в России хотят официально продлить до 35 лет. Зачем это нужно власти и людям? // Lenta.ru. Новостное интернет-издание. 28.07.2020. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/07/28/youth/> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁸ Плюс пять лет. Госдума повысила возраст молодежи до 35 лет // Российская газета. Газета. 23.12.2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/23/vozrast-molodezhi-povysili-do-35-let-vkliuchitelno.html> (дата обращения: 10.02.2021).

¹⁹ Показатели, характеризующие занятость населения в возрасте старше трудоспособного, по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud4-0-2.xls> (дата обращения: 23.10.2020).

²⁰ Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту назначения и виду назначенной пенсии в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/tab-st-tr_st.htm (дата обращения: 20.02.2020).

²¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб. / Росстат. – М., 2020. – С. 24.

²² На безбедную старость и помощь внукам: почему пенсионеры стали чаще брать кредиты // 360°. Телеканал. 04.12.2017. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/na-bezbednuju-starost-i-pomosch-vnukam-pochemu-pensionery-stali-chasche-brat-kredity-v-bankah/> (дата обращения 28.05.2021).

Возможности для страны-донора в контексте миграции пенсионеров

Однако наряду с рисками существуют и возможности, связанные, во-первых, с омоложением возрастной структуры ввиду переезда пожилых за рубеж. Во-вторых, позитивным последствием является снижение возрастной дискриминации. В-третьих, если миграция происходит в более экономически благополучный регион, то это может положительно сказаться на продолжительности жизни, хотя возрастает риск сердечно-сосудистых заболеваний из-за эмоциональной нагрузки. В-четвертых, переезд в другую страну может позволить пенсионеру воссоединиться со своей семьей, что тем самым улучшит его качество жизни и повысит продолжительность жизни российских граждан. Наконец риски переезда российских пенсионеров смягчаются положительным миграционным сальдо в возрасте старше трудоспособного.

Обсуждение

В настоящее время существует значительное количество методологических подходов, определяющих качество старения, долголетия в различных регионах мира. Среди наиболее популярных выделяются Глобальный индекс наблюдения за старением (Global Age Watch Index)²³, Глобальный пенсионный индекс (Natixis Global Retirement Index)²⁴, Индекс благополучия пожилых (Wellbeing in Later Life Index, WILL)²⁵, Индекс благосостояния пожилых людей – Индекс SCL / PRB [30] и, наконец, Индекс активного долголетия (Active Ageing Index), используемый ООН для сравнительных исследований и адаптированный Росстатом для мониторинга качества проводимой политики активного долголетия [31]. Несмотря на различный набор индикаторов, они используют схожие повторяющиеся показатели: занятость, социальное участие, ожидаемая продолжительность жизни, уровень смертности и пр.

Однако все упомянутые индексы лишены индикатора, связанного с миграцией. Вместе с тем акт миграции является куда большим проявлением активности, чем все приведенные индикаторы. К примеру, переезд в иную страну не может сравниться с трудоустройством. В этой связи предлагается включить показатель миграции в индекс активного долголетия. В качестве аргумента о включении индикатора миграции выступает также статистика: в 2020 г. 17% (48 млн человек) от всех международных мигрантов составляли пожилые, что представляет собой многочисленную социально-демографическую группу. Кроме того, миграция внутри страны также предполагает активность, что значительно увеличивает долю лиц, которых охватит данный индикатор.

Конкретизируя предложение о включении показателя миграции в методики определения активного долголетия, наиболее актуальным представляется преобразование Индекса активного долголетия, поскольку он является международным и официально принятым Росстатом [31]. Индикаторы данного индекса сгруппированы в четырех доменах:

1) занятость (уровень занятости в возрастных группах 55–59 лет, 60–64 года, 65–69 лет, 70–74 года);

²³ Global AgeWatch Index // CountryEconomy.com [site]. URL: <https://countryeconomy.com/demography/global-agewatch-index> (accessed on 22.04.2021).

²⁴ 2019 Global Retirement Index. Global Security. Personal Risks // Natixis. Investment bank [site]. URL: <https://www.im.natixis.com/us/research/2019-global-retirement-index> (accessed on 22.04.2021).

²⁵ Index of Wellbeing in Later Life // Age UK. Charity organization [site]. URL: <https://www.ageuk.org.uk/our-impact/policy-research/wellbeing-research/index-of-wellbeing/> (accessed on 23.04.2021).

2) участие в жизни общества (волонтерская деятельность, уход за детьми, внуками, больными, инвалидами, участие в политической жизни);

3) независимая здоровая и безопасная жизнь (физическая активность, доступ к услугам здравоохранения и стоматологическим услугам, безопасность и пр.);

4) возможности и благоприятная среда для активного долголетия (ожидаемая продолжительность жизни, доля лет здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 55 лет, психологическое благополучие и пр.).

Наиболее целесообразным может стать включение показателя миграции во второй домен – «Участие в жизни общества», поскольку переезд предполагает активные контакты со значительным количеством людей, что свидетельствует о социальной активности. Конкретным же индикатором предлагается определять долю лиц в возрасте 55 лет и более, переезжавших внутри России, за пределы России или обратно в Россию в течение года. Данная информация (возрастно-половой состав мигрантов по Российской Федерации) содержится в ежегодном бюллетене «Численность и миграция населения Российской Федерации».

Заключение

Выделенные ООН четыре мегатренда: рост населения, старение населения, миграция и урбанизация, – тесно связаны с изучением международной миграции пожилых людей. Увеличение численности населения благодаря демографическому переходу поспособствовало интенсификации миграции, так как обнаружилось недостаточное количество ресурсов на территориях с высокой рождаемостью и низким уровнем ресурсов (социальных, медицинских, экономических, инфраструктурных и пр.). В этой связи важную роль играет трудоспособное население, которое оказалось в авангарде миграции, обеспечивая своих родителей возможностью переезда к ним. Так, один из пиков миграции пожилых приходится на возраст 75+, когда пожилым требуется забота и уход, поэтому родители переезжают к своим взрослым детям.

Старение населения оказывает двоякое влияние на миграцию. С одной стороны, миграция осуществляется в основном лицами трудоспособного возраста, что демпфирует старение возрастной структуры стран-реципиентов. С другой стороны, данные свидетельствуют о сохранении доли пожилых мигрантов, то есть в абсолютных числах произошло возрастание численности переезжающих лиц старшего поколения.

Миграция отстает от демографического старения, поскольку пропорция пожилых осталась прежней, несмотря на увеличение продолжительности жизни, что вызвано низким потенциалом мобильности пожилых. Кроме того, наиболее многочисленной является группа пожилых в возрасте 75+, то есть эти люди, скорее всего, переезжают к более молодым родственникам. Таким образом, изначальная гипотеза о том, что старение населения коррелирует со старением миграционных потоков не подтвердилась.

Урбанизация накладывает отпечаток на миграцию пожилых. Представители старшего поколения стремятся переезжать в густонаселенные места жительства с хорошим уровнем инфраструктуры, доступной средой, высоким качеством медицинского обслуживания.

Анализ международной миграции российских пенсионеров по возрасту позволил сделать следующие выводы. Во-первых, численность пожилых россиян, выезжавших за пределы России и СНГ в 2019 г., не высока (4 тыс. человек), когда как чаще

старшее поколение мигрирует внутри страны (444 тыс. человек) или в страны СНГ (39 тыс. человек)²⁶. Во-вторых, пожилые люди и дети чаще выбирают страны с более комфортными условиями проживания, близкой культурой (Германия, Грузия, США). Мигранты же в трудоспособном возрасте стремятся в Азию (Китай, Индия, Вьетнам). В-третьих, к рискам эмиграции пенсионеров для России как страны-донора относятся: 1) негативное влияние на трудовой потенциал страны ввиду старения населения и сокращения пропорции населения в трудоспособном возрасте, 2) потеря налогоплательщиков (для государства), 3) потеря клиентов с гарантированными доходами (для бизнеса). В-четвертых, низкие цифры эмиграции пенсионеров и положительное миграционное сальдо в этой возрастной группе смягчают риски. Кроме того, существуют возможности благодаря миграции пенсионеров: 1) омоложение возрастной структуры, 2) снижение возрастной дискриминации, 3) положительное влияние на здоровье пенсионеров за счет переезда в более благополучный регион (хотя порой переезд в другой регион приводит к повышенному риску сердечно-сосудистых заболеваний), 4) возможность воссоединения с родственниками.

Таким образом, в настоящей работе рассмотрены основные мировые и российские тенденции миграции пожилых. В России показатель эмиграции пенсионеров в другие страны (за исключением СНГ) достаточно низок. Вместе с тем только в 2019 г. данный аспект составлял неотъемлемую часть жизненного мира 4 тыс. пожилых россиян, принявших решение переехать по разным причинам, несмотря на пожилой возраст.

Миграция старшего поколения является проявлением эпохи активного долголетия, несмотря на отсутствие показателя миграции в Индексе активного долголетия (ИАД). В связи с этим предлагается включить в домен «Участие в жизни общества» ИАД следующий индикатор: доля лиц в возрасте старше 55 лет, мигрировавшая внутри страны, за границу или обратно в Россию в течение года.

Научная новизна нашей работы состоит в аналитическом обзоре тематической литературы по проблемам международной миграции старшего поколения. Данный аспект находит слабое отражение в российской литературе, однако зарубежные источники и эмпирические исследования позволили выделить основные причины миграции в пожилом возрасте. Кроме того, в работе предлагается уточнение международного ИАД за счет включения индикатора миграции, что позволило бы более полно характеризовать процесс демографического старения.

В настоящей статье полученные выводы позволили проанализировать общую картину миграции старшего поколения в мировом и российском масштабах. В дальнейшем исследование миграции пожилых будет продолжено в более узком и сфокусированном виде: анализу подлежат различные аспекты миграции пожилых россиян в страны Юго-Восточной Азии и КНР.

Список литературы

1. *United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Ageing 2019: Highlights (ST/ESA/SER.A/430)*. New York: United Nations, 2019. 38 p. ISBN: 978-92-1-148325-3.
2. Карачурина Л. Б., Иванова К. А. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования народонаселения. 2017. №3 (57). С. 51–60.
3. Гридасов Г. Н., Захарова Н. О., Балуева Е. С. Сравнительный анализ динамики миграционного прироста пожилого населения Самарской области // Успехи геронтологии. 2011. Т. 24. № 4. С. 707–

²⁶ Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2019 г.

712.

4. *Ефремов И. А.* Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России // Демоскоп Weekly. 2014. № 581–582. С. 54–62.

5. *Мкртчян Н. В.* Возрастная структура населения России и ее влияние на внутреннюю миграцию // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. Т. 13. С. 209–221.

6. *Greenwood M. J.* Migration and Labor Market Opportunities / М. М. Fischer, P. Nijkamp (Eds.), Handbook of Regional Science. Berlin: Springer, 2013. Pp. 3–16. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-23430-9_5.

7. *Litwak E., Longino C. F.* Migration Patterns Among the Elderly: A Developmental Perspective. The Gerontologist. 1987. Vol. 27. No. 3. Pp. 266–272. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/27.3.266>.

8. *Serow W. J.* Demographic and Socioeconomic Aspects of Elderly Migration in the 1980s. Journal of Aging & Social Policy. 1996. Vol. 8. No. 1. Pp. 19–38. DOI: https://doi.org/10.1300/j031v08n01_04.

9. *Baldassar L., Baldock C. V., Wilding R.* Families Caring Across Borders: Migration, Ageing and Transnational Caregiving. London: Palgrave Macmillan, 2007. 259 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230626263>.

10. *Zechner M.* Care of older persons in transnational settings. Journal of Aging Studies. 2008. Vol. 22. No. 1. Pp. 32–44. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2007.02.002>.

11. *Wilding R., Baldassar L.* Ageing, migration and new media: The significance of transnational care. Journal of Sociology. 2018. Vol. 54. No. 2. Pp. 226–235. URL: <https://doi.org/10.1177/1440783318766168>.

12. *Baldassar L., Wilding R.* Migration, Aging, and Digital Kinning: The Role of Distant Care Support Networks in Experiences of Aging Well. The Gerontologist. 2019. Vol. 60. No. 2. Pp. 313–321. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnz156>.

13. *Klok J., van Tilburg T. G., Suanet B., Fokkema T., Huisman M.* National and transnational belonging among Turkish and Moroccan older migrants in the Netherlands: protective against loneliness? European Journal of Ageing. 2017. Vol. 14. No. 4. Pp. 341–351. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-017-0420-9>.

14. *Snel E., Burgers J., Leerkes A.* Class Position of Immigrant Workers in a Post-Industrial Economy: The Dutch Case. Journal of Ethnic and Migration Studies. 2007. Vol. 33. No. 8. Pp. 1323–1342. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691830701614106>.

15. *Klokgieters S. S., van Tilburg T. G., Deeg D. J. H., Huisman M.* The Linkage Between Aging, Migration, and Resilience: Resilience in the Life of Older Turkish and Moroccan Immigrants. The Journals of Gerontology: Series B. 2019. Vol. 75. No. 5. Pp. 1113–1123. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbz024>.

16. *Garcia M. A., Reyes A. M., Downer B., Saenz J. L., Samper-Ternent R. A., Raji M.* Age of Migration and the Incidence of Cognitive Impairment: A Cohort Study of Elder Mexican-Americans. Innovation in Aging. 2017. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1093/geroni/igx037>.

17. *Holecki T., Rogalska A., Sobczyk K., Woźniak-Holecka J., Romaniuk P.* Global Elderly Migrations and Their Impact on Health Care Systems. Frontiers in Public Health. 2020. Vol. 8. Pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00386>.

18. *Zaiceva A.* The impact of aging on the scale of migration. IZA World of Labor. 2014. Vol. 99. 1 p. DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.99>.

19. *Pennington J.* Moving on: Migration trends in later life. London: Institute for Public Policy Research, 2013. 22 p.

20. *Pannell J., Aldridge H., Kenway P.* Market assessment of housing options for older people: A report for Shelter and the Joseph Rowntree Foundation. London: New Policy Institute, 2012. 90 p.

21. *World Bank; International Monetary Fund.* Global Monitoring Report 2015/2016: Development Goals in an Era of Demographic Change. Washington, DC: World Bank, 2016. 283 p. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0669-8>.

22. *Плоских Е. В., Кудайкулова Ш. Х.* Особенности классической теории демографического перехода // Вестник кыргызско-российского славянского университета. 2014. Т. 14. № 6. С. 104–108.

23. *Римашевская Н. М., Доброхлеб В. Г., Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Демографический переход – специфика российской модели // Народонаселение. 2012. №1 (55). С. 23–31.

24. *Laslett P.* The Third Age, The Fourth Age and The Future. Ageing and Society. 1994. Vol. 14. No. 3. Pp. 436–447. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0144686x00001677>.

25. *Chevan A.* Holding On and Letting Go: Residential Mobility During Widowhood. Research on Aging. 1995. Vol. 17. No. 3. Pp. 278–302. DOI: <https://doi.org/10.1177/0164027595173003>.

26. *Milewski N., Loth A.* Residential Mobility in the Second Half of Life: The Role of Family-Related Transitions and Retirement / Aybek C., Huinink J., Mutarak R. (eds.) Spatial Mobility, Migration, and Living Arrangements. Berlin: Springer, 2015. Pp. 225–246. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-10021-0_11.

27. *Nielsen S. S., Krasnik A.* Poorer self-perceived health among migrants and ethnic minorities versus the majority population in Europe: a systematic review. *International Journal of Public Health*. 2010. Vol. 55. No. 5. Pp. 357–371. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00038-010-0145-4>.

28. *Гневашева В. А.* Современные особенности рынка труда: предпосылки государственного регулирования // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 6–1. С. 139–149. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.71.57.017>.

29. *Рязанцев С. В.* Новая депопуляция в России: новые вызовы и пути нейтрализации // Человек и его ценности в современном мире: материалы XI Международной научно-практической конференции, Чита, 23–28 сентября 2019 г. / Забайкальский гос. ун-т; [отв. ред. Эрдынеева К. Г.]. – Чита: ЗабГУ, 2019. С. 8–16.

30. *Kaneda T., Lee M., Pollard K.* SCL/PRB Index of Well-Being in Older Populations: Final Report. Global Aging and Monitoring Project. Washington: Population Reference Bureau, 2011. 57 p.

31. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2173-1>.

Сведения об авторах:

Ниорадзе Георгий Владимирович, аспирант Социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nioradzersuh@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-3127-5966; RSCI Author ID: 1117975; Web of Science Researcher ID: R-2958-2017.

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 21-511-92001.

Статья поступила в редакцию 30.07.2021; принята в печать 01.10.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

INTERNATIONAL MIGRATION OF THE OLDER GENERATION: GLOBAL AND RUSSIAN TRENDS

Georgy V. Nioradze

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: nioradzersuh@gmail.com

For citation: Georgy V. Nioradze. International Migration of the Older Generation: Global and Russian Trends. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1. No 4. Pp. 43–58. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.4>.

Abstract. The subject of this research is the international migration of the elderly (global and Russian trends). This topic is of particular relevance due to the fact that the elderly people make up 17% of international migrants (2019). In addition, older migration is at the intersection of four demographic “megatrends” – population aging, migration, population growth and urbanization. In addition, the international emigration of elderly Russians is practically not studied in the domestic literature. The hypothesis of the study is the assumption of the aging of international migration flows in accordance with the trend of demographic aging. Research method – secondary data analysis. The main empirical base is the data of the UN and Rosstat. Global statistics show that while the number of older migrants has increased, the proportion of older people has not changed. Thus, the hypothesis was not confirmed, which gives grounds to draw the following conclusion: migration lags behind aging. This is due to the weak mobilization and adaptive potential of the older generation. Russian statistics make it possible to single out 4 thousand people over the working age who moved abroad in 2019 (not including the CIS countries). The most popular destinations are Germany, Georgia. In conclusion, it examines the risks (negative impact on the labor potential of the country, etc.) and opportunities (rejuvenation of the age structure, reduction in age discrimination) for Russia in the context of the emigration of the elderly population.

Analysis of the existing indices of active longevity showed the absence of migration as an indicator of activity, which significantly distorts this index. The direction of future research is to study the migration of Russian pensioners in the countries of Southeast Asia and China.

Keywords: migration, international migration, emigration, population aging, pensioners, older generation, emigration risks, active ageing index.

References

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. *World Population Ageing 2019: Highlights*. New York: United Nations, 2019. 38 p. ISBN: 978-92-1-148325-3. ST/ESA/SER.A/430.
2. Karachurina L. B., Ivanova K. A. Migration of the Elderly in Russia (According to 2010 Census Data). *Regional'nyye Issledovaniya*. 2017. No. 3 (57). Pp. 51–60. (In Russ.)
3. Gridasov G. N., Zakharova N. O., Baluyeva E. S. Comparative Analysis of the Migration Increase Dynamics of the Elderly Population Living in the Samara Region. *Advances in Gerontology*. 2011. Vol. 24. No. 4. Pp. 707–712. (In Russ.)
4. Efremov I. A. Vozrastnyye osobennosti migratsionnykh protsessov na Kraynem Severe Rossii [Age features of migration processes in the Far North of Russia]. *Demoscope Weekly*. 2014. No. 581–582. Pp. 54–62. (In Russ.)
5. Mkrtchyan N. V. Age Structure of Russia's Population and its Influence on Internal Migration. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific papers: Institute for Economic Forecasting RAS]. 2015. Vol. 13. Pp. 209–221. (In Russ.)
6. Greenwood M. J. Migration and Labor Market Opportunities / M. M. Fischer, P. Nijkamp (Eds.), *Handbook of Regional Science*. Berlin: Springer, 2013. Pp. 3–16. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-23430-9_5.
7. Litwak E., Longino C. F. Migration Patterns Among the Elderly: A Developmental Perspective. *The Gerontologist*. 1987. Vol. 27. No. 3. Pp. 266–272. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/27.3.266>.
8. Serow W. J. Demographic and Socioeconomic Aspects of Elderly Migration in the 1980s. *Journal of Aging & Social Policy*. 1996. Vol. 8. No. 1. Pp. 19–38. DOI: https://doi.org/10.1300/j031v08n01_04.
9. Baldassar L., Baldock C. V., Wilding R. *Families Caring Across Borders: Migration, Ageing and Transnational Caregiving*. London: Palgrave Macmillan, 2007. 259 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230626263>.
10. Zechner M. Care of Older Persons in Transnational Settings. *Journal of Aging Studies*. 2008. Vol. 22. No. 1. Pp. 32–44. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2007.02.002>.
11. Wilding R., Baldassar L. Ageing, Migration and New Media: The Significance of Transnational Care. *Journal of Sociology*. 2018. Vol. 54. No. 2. Pp. 226–235. URL: <https://doi.org/10.1177/1440783318766168>.
12. Baldassar L., Wilding R. Migration, Aging, and Digital Kinning: The Role of Distant Care Support Networks in Experiences of Aging Well. *The Gerontologist*. 2019. Vol. 60. No. 2. Pp. 313–321. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnz156>.
13. Klok J., van Tilburg T. G., Suanet B., Fokkema T., Huisman M. National and Transnational Belonging among Turkish and Moroccan Older Migrants in the Netherlands: Protective against Loneliness? *European Journal of Ageing*. 2017. Vol. 14. No. 4. Pp. 341–351. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-017-0420-9>.
14. Snel E., Burgers J., Leerkes A. Class Position of Immigrant Workers in a Post-Industrial Economy: The Dutch Case. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007. Vol. 33. No. 8. Pp. 1323–1342. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691830701614106>.
15. Klokgieters S. S., van Tilburg T. G., Deeg D. J. H., Huisman M. The Linkage Between Aging, Migration, and Resilience: Resilience in the Life of Older Turkish and Moroccan Immigrants. *The Journals of Gerontology: Series B*. 2019. Vol. 75. No. 5. Pp. 1113–1123. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbz024>.
16. Garcia M. A., Reyes A. M., Downer B., Saenz J. L., Samper-Ternent R. A., Raji M. Age of Migration, and the Incidence of Cognitive Impairment: A Cohort Study of Elder Mexican Americans. *Innovation in Aging*. 2017. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1093/geroni/igx037>.
17. Holecki T., Rogalska A., Sobczyk K., Woźniak-Holecka J., Romaniuk P. Global Elderly Migrations and Their Impact on Health Care Systems. *Frontiers in Public Health*. 2020. Vol. 8. Pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00386>.
18. Zaiceva A. The Impact of Aging on the Scale of Migration. *IZA World of Labor*. 2014. Vol. 99. 1 p.

DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.99>.

19. Pennington J. *Moving on: Migration Trends in Later Life*. London: Institute for Public Policy Research, 2013. 22 p.

20. Pannell J., Aldridge H., Kenway P. *Market Assessment of Housing Options for Older People: A report for Shelter and the Joseph Rowntree Foundation*. London: New Policy Institute, 2012. 90 p.

21. World Bank; International Monetary Fund. *Global Monitoring Report 2015/2016: Development Goals in an Era of Demographic Change*. Washington, DC: World Bank, 2016. 283 p. DOI: <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0669-8>.

22. Ploskikh E. V., Kudaykulova Sh. Kh. Peculiarities of Classical Demographic Transition Theory. *Vestnik KRSU*. 2014. Vol. 14. No. 6. Pp. 104–108. (In Russ.)

23. Rimashevskaya N. M., Dobrokhleb V. G., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Demographic Transition – Specific Character of the Russian Model. *Narodonaselenie (Population)*. 2012. No. 1 (55). Pp. 23–31. (In Russ.)

24. Laslett P. The Third Age, The Fourth Age and The Future. *Ageing and Society*. 1994. Vol. 14. No. 3. Pp. 436–447. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0144686x00001677>.

25. Chevan A. Holding On and Letting Go: Residential Mobility During Widowhood. *Research on Aging*. 1995. Vol. 17. No. 3. Pp. 278–302. DOI: <https://doi.org/10.1177/0164027595173003>.

26. Milewski N., Loth A. Residential Mobility in the Second Half of Life: The Role of Family-Related Transitions and Retirement / Aybek C., Huinink J., Muttarak R. (eds.) *Spatial Mobility, Migration, and Living Arrangements*. Berlin: Springer, 2015. Pp. 225–246. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-10021-0_11.

27. Nielsen S. S., Krasnik A. Poorer Self-Perceived Health among Migrants and Ethnic Minorities Versus the Majority Population in Europe: A Systematic Review. *International Journal of Public Health*. 2010. Vol. 55. No. 5. Pp. 357–371. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00038-010-0145-4>.

28. Gnevasheva V. A. Modern Features of the Labor Market: Prerequisites for State Regulation. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2020. Vol. 10. No. 6–1. Pp. 139–149. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.71.57.017>. (In Russ.)

29. Ryazantsev S. V. New Depopulation in Russia: New Challenges and Ways to Neutralize. *Chelovek i yego tsennosti v sovremennoy mire* [People and their values in the modern world]: Materials of the XI International Scientific and Practical Conference, Chita, 23–28 September 2019 / Transbaikal State University; [ex. ed. Erdineeva K. G.]. Chita: ZabGU, 2019. Pp. 8–16. (In Russ.)

30. Kaneda T., Lee M., Pollard K. *SCL/PRB Index of Well-Being in Older Populations: Final Report*. Global Aging and Monitoring Project. Washington: Population Reference Bureau, 2011. 57 p.

31. *Kontseptsiya politiki aktivnogo dolgoletiya* [The concept of the policy of active aging]: Scientific and methodological report to the XXI April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development, Moscow, 2020 / L. N. Ovcharova, M. A. Morozova, O. V. Sinyavskaya (eds.); National Research University Higher School of Economics. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 40 p. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2173-1>. (In Russ.)

Bio note:

Georgy V. Nioradze, Postgraduate Student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nioradzersuh@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-3127-5966; RSCI Author ID: 1117975; Web of Science Researcher ID: R-2958-2017.

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Vietnam Academy of Social Sciences according to the research project No. 21-511-92001.

Received on 30.07.2021; accepted for publication on 01.10.2021.

The author has read and approved the final manuscript.